

Каток войны

К началу лета 1914 г. европейские державы построились к войне и только ожидали повода, чтобы их войска пришли в движение. Им стали выстрелы 28 июня в Сараево и убийство австрийского наследника престола герцога Франца-Фердинанда. В возбужденнейшей немецкой части Европы повсеместными стали лозунги, требующие наказать зарвавшихся сербов полной мерой.

Военный министр Владимир Александрович Сухомлинов воскликнул: «Это война!» – после обзора европейской политики, когда вести о Сараевском убийстве достигли Петербурга на одном из заседаний.

По окончании заседания министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов с грустью заметил, что военная верхушка на него произвела абсолютно безрадостное впечатление полной военной неподготовленностью. Если мы и способны предвидеть события, то предотвратить их не в состоянии», – фаталически завершил он.

– Война так война, – раскуривая папироску, заговорил министр внутренних дел Николай Алексеевич Маклаков, – лишь бы не революция. Хотя от войны до революции один шаг.

Германский кайзер Вильгельм II пережил сильное волнение, чувствуя, что час пробил, хотя Сербия сама по себе его мало интересовала.

– Наконец-то мы имеем возможность перейти в Европе к решительным действиям, – наставлял он свое ближайшее окружение. – Мы успешно завершили свою военную программу, русские свою только начинают, но когда они ее завершат, о войне с ними можно будет и не думать. В Европе ей достойных соперников не будет. А наша программа к тому времени уже устареет. Сейчас главное, чтобы Австрия поспешила с ультиматумом, который Сербия заведомо не приняла бы, и нейтрализовать Великобританию. Во Франции я не вижу серьезного соперника. Ее судьба будет решена в результате одного решительного блицкрига. Наша главная цель – Россия.

Говоря это, Вильгельм II топорщил от удовольствия усы в нервном ожидании удачной охоты, внимательно рассматривал каждого присутствовавшего, стараясь понять какое впечатление производят его слова.

За событиями в Европе с презрительным вниманием наблюдал из-за океана «дядя Сэм». Американцы не собирались присоединиться ни к той, ни к другой коалиции. Война сама по себе их мало волновала, кроме того, что она заставляла перестраивать стратегию и тактику американской торговли с

Каток войны

Европой, чтобы свести к минимуму возможные потери от помех, ею порождаемых. В выгодных торговых операциях с обеими воюющими сторонами – вот в чем состоял стратегический расчет Североамериканских Соединенных Штатов. Чиновники Белого дома, аналитики Конгресса, журналисты – все причастные к европейской политике осаждали офисы банкиров Уолл-стрита. Все ждали их заключения, понимая, что слово банкиров явится стартером, который заведет весь политический механизм и направит его в сторону, где сосредоточены и нарушаются государственные интересы США.

***1 июля 1914 г.
США, Нью-Йорк,
Уолл-стрит,
один из офисов Стратегического
комитета Ассоциации банкиров США***

На заседании Экспертного совета стратегического комитета объединения «АСС-Банк» США по проблемам мировой промышленности, торговли и банковского дела был заслушан секретный доклад о положении дел в Европе. Вел заседание мужчина средних лет в пенсне, худощавый, с копной аккуратно причесанных курчавых волос, подстриженными усиками и маленькой бородкой клинышком. Его внешность портили чуть оттопыренные остроконечные уши.

Докладчик выглядел недостаточно опрятно, его мясистое лицо с чертами разомлевшей толстой женщины и приподнятыми уголками губ выдавало в нем доброжелательного, как бы постоянно улыбающегося в растерянности человека. Лицо его покрылось испариной, и он постоянно вытирал его мятым, не первой свежести платком. Видом своим он походил на обычного университетского профессора, каких в Америке называют «яйцеголовыми», то есть учеными.

– Экономика и финансы стран Европы, – говорил он, – находятся в состоянии значительных перемен. Особо это относится к России. В политическом плане следует выделить Великобританию, позиция которой, видимо, в ближайшее время будет оказывать значительное влияние на развитие событий.

Мы располагаем неопровержимыми доказательствами из различных европейских источников, свидетельствующих о начале процесса нарушения «баланса сил» в пользу России. Темпы ее экономического роста превосходят темпы роста других держав Европы, при этом темпы роста тяжелой промышленности превосходят темпы роста легкой промышленности.

Каток войны

Крупные перемены начались в сельском хозяйстве. Уже сейчас европейские державы по ряду отраслей производства уступают России. Одной из самых твердых валют Европы признан русский рубль. Значительных успехов она достигла в сфере образования. Правительство отдает отчет в том, что только грамотные и образованные люди могут вывести ее на передовые рубежи развития. Поэтому, за последние пять лет расходы на образование возросли до 14,6% от общего бюджета государства. Создаются также учебные заведения и не на государственные средства. По замыслу убиенного П.А. Столыпина в России планировалось ввести всеобщее образование.

Профессор остановился. Посмотрел на аудиторию своей мягкой улыбкой, достал платок и стал вытирать лицо.

– Господин Равичер, – обратился к нему председательствующий, – все, что вы рассказываете, имеет исключительное значение для наших стратегических планов. Однако, этот материал мы можем прочитать сами в Вашем письменном докладе. Пожалуйста, разъясните, что обо всем этом думают европейцы.

– Пожалуйста, тезисно. Заключение союзницы России в Европе Франции. Вот заключение председателя синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Вернайля. Новейшие данные 1913 г.: «В течение ближайших 30 лет Россию ожидает промышленный подъем, который сравним со сдвигами в экономике США в последней трети XIX века». Еще один французский источник: «Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912–1915 годами, как они шли между 1900–1912 годами, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом, и финансовом отношениях». Таким образом, можно сделать заключение, что, несмотря на смерть Столыпина, его реформы оказались более жизненными, чем их автор и их результаты дают о себе знать поныне.

Равичер прервал свой доклад, чтобы посмотреть на реакцию аудитории и в очередной раз вытереть пот со лба. Все взгляды застывших участников заседания были устремлены на него, а чуть растерянная улыбка в уголках его губ свидетельствовала, что реакцией аудитории он вполне доволен.

Теперь об оценке сельскохозяйственной реформы противниками России. Данные 1913 года из секретного доклада правительству Германии комиссии профессора Аухагена, который в 1912–1913 годах обследовал ряд губерний Центральной России: «Мы поражены размахом землеустроительной реформы. Если она будет продолжаться, то при ненарушении порядка в империи еще десять лет Россия превратится в сильнейшую страну в Европе, а война с ней будет не под силу никакой другой державе».

Каток войны

Один из участников заседания быстро снял очки, нервно протер их и вновь одел. Через секунду он опять снял очки, положил их на стол, оперся на кулак согнутой руки и глубоко задумался как роденовский мыслитель.

– Теперь главное, – продолжал Равичер, – и союзники России, и ее противники обеспокоены таким развитием событий. Их действия позволяют обнаружить различные формы, методы и средства вплоть до насильственных, чтобы «баланс сил» в Европе не нарушался. Примечательно, что Генштаб Германии проводит большую скрытую работу с социалистами и революционерами всех мастей, отдавая отчет, что если Россия потерпит поражение в войне, вспыхнет революция, и к ней нужно быть готовыми. Если Россия победит в ней, тем более необходимо такую революцию организовать. Стратегически Генштаб абсолютно прав. Обращает на себя внимание деятельность господ Парвуса и Платена.

– Спасибо, господин Равичер. Вы сообщили нашему собранию очень интересные данные, которые будут способствовать выработке правильной линии нашего поведения в современных условиях Европы.

Думаю, я выражу общее мнение членов нашего Совета, что Ваш исследовательский центр вполне оправдывает свое существование и средства, которые отпускаются на его поддержку. Видимо, будет справедливо, – председательствующий слегка улыбнулся краешком тонких губ так, что его усики даже не шелохнулись, – увеличить финансирование центра на 10–12%. Пишите, господин Равичер, обоснование. Но к Вам будет просьба не только готовить подобные аналитические материалы, но и предоставлять их нам вовремя. Как говорили мои российские предки: «Дорого яичко ко Христову дню». Садитесь, а мы продолжаем.

Все мы имели возможность предварительно изучить полный письменный вариант доклада, который убедительно доказывает, что по основным показателям США остаются на первом месте в мире. Однако, становится очевидно, что наша монополия может быть нарушена. Не будем драматизировать ситуацию. Необходимо приспособить политику «баланса сил» к современным условиям. Господин Равичер исходит из того, что для достижения наших целей хороши все средства. Если исходить из его концепции, – при слове «из его» на лице председательствующего вновь на какое-то мгновение мелькнула знакомая малозаметная улыбка, – к примеру, относительно России, как субъекту наиболее интенсивного роста, то источник концепции роста – премьер России – ликвидирован руками социалистов, не исключена поддержка консерваторов. Начатый процесс на грани мощного торможения в виде предстоящей войны, неизбежным спутником которой должен стать революционный хаос, способный поглотить не только Россию, но и захлестнуть другие страны Европы. Деятельность

Каток войны

германского Генштаба по работе среди революционеров к подталкиванию их к действиям в соответствии с генштабовской стратегией подлежит всестороннему исследованию. По имеющимся у нас данным, российская полиция давно пустила свои корни в революционное движение. Особое распространение деятельность полиции внутри социалистов получило после революции 1905–1907 годов. Внедрение агентуры в их среду, по некоторым данным, исчисляется сотнями, даже тысячами изоциренных высокопрофессиональных агентов. Каковы же возможные варианты наших действий? Это главный вопрос, требующий решения. Необходимо изучить революционную эмиграцию из Европы в США, развернуть активную работу среди ее лидеров. Компетентные люди мне рекомендовали обратить внимание на деятельность некоего Л.Д. Троцкого, весьма энергичного и делового революционера.

На этом заседание Совета закрыто. Всем спасибо, а членов Стратегического комитета прошу остаться для выработки наших решений.

* * *

Возвращаясь как-то из Озёр от купца И.И. Калетдинова, с которым Евстафий Кузьмич обсуждал свой переход в гильдию купцов и просил его поддержать своим авторитетом, вновь встретил на переправе Николая Васильевича с неизменной своей спутницей. Поздоровались, поговорили о том о сем, о погоде об урожае. Евстафий Кузьмич, глядя на лопату Николая Васильевича, спросил:

– И что же у тебя за забота такая, что каждый день ты за реку с лопатой отправляешься?

– А ты вот послушай, да не смейся, может чего и поймешь. Слышал, небось, как ростиславцы в свое время грудью стояли против татарвы проклятой?

– Как не слышать? С детства слышу. Так что же?

– А вот что: возвращается однажды дозор в Ростиславль, воины спешенные, все изрядно побитые, окровавленные, еле на ногах стоят. Навстречу им выходит воевода, и они докладывают, как встретили в поле тьму-тьмущую татарскую, расположившуюся лагерем в двух днях конного хода отсюда. Шатров и повозок видимо-невидимо.

– Не успели мы оглянуться, смотрим, а их передовой отряд уже окружил нас плотным кольцом и выставил на нас копья. Мы за мечи, а их мурза кричит: «Урусы, бросайте мечи и слезайте с коней, если жить хотите». А кольцо-то их, смотрим, сжимается вокруг нас. Мы за себя отвечаем: «Не было такого, чтобы ваши татарские морды нас испугали». Тогда выехали

Каток войны

вперед их лучники и в мгновение ока побили под нами коней. Налетела на нас татарва и стала прижимать нас копьями и щитами к земле. Кто успел меч выхватить, того побили на месте, а остальных били саблями плашмя, а не убивали. В общем, повязали нас и потащили к их главному мурзе, а тот смеется и говорит: «Уруссы, какие же вы воины, если не смогли справиться с кучкой моих всадников? А нас здесь тма¹⁾, надо будет еще одну тму и еще одну и еще столько приведем и накажем вашего строптивного князя, а ваши крепости сожжем. Вас я убивать не буду. Идите домой и расскажите всем, чтобы приготовились нас встречать по-хорошему. А не то воинов побьем, детей побросаем в костры, а женщин утопим в реке».

¹⁾ Тма (тьма) – тысяча.

Сказали так воины и смолкли. Молчал и воевода, а с ним и все собравшиеся. Наконец, воевода молвил: «Все слышали, что сказал мурза? Что будем делать?» Раздались возгласы: «Не отдадим земли нашей и храмы Господни на поругание татарину. Костями ляжем, а не пустим его войско за реку».

Воеводил в то время в Ростиславле Вячеслав – личность весьма колоритная и заслужившая уважение князя и дружины, у горожан он пользовался почтением. В обыденной жизни звали его не иначе как просто «кулак». Кулаком прозвали не только по фамилии, но и за пудовые кулаки, казалось, что одним ударом которого он мог убить любую живность, не исключая коровы или лошади.

Если кто захотел бы представить себе Илью Муромца – ходить далеко не надо было: достаточно было взглянуть на Вячеслава. Росту он был высокого, имел на удивление круглые глаза, носил очень короткую прическу и большую лопатой бороду, а главное, он обладал настолько крупным телом, что чуть подопревшие полы трещали под ним как щепки, на доспехи ему шло металла столько, что на двух обычных воинов хватит. Руки и ноги его всегда слегка были растопырены, так как огромные мышцы не давали им пребывать в обычном положении. На удивление людям, не часто его видевшим, казалось, что глаза его постоянно улыбаются, а случись что-то не по его или непотребное, они как бы выдавали смущение; когда он волновался, то начинал говорить торопливо и чуть-чуть заикался. Однако те, кто общался с ним часто, знали: «Кулак» при всей его доброжелательности мог проявить такую твердость характера, что без мордобоя мог добиться всего, чего ему надо. Татарву он откровенно ненавидел и воевал с ними умело и отчаянно, однако всегда стремился избежать бойни, понимал, что силы их не равны, а вытаптывать поля и жечь деревни, как это бывало при татарских набегах – большое зло и крестьянам, и княжеству в целом. Поэтому, в отсутствие князя

Каток войны

он проявлял твердость и самостоятельность в укреплении Ростиславля, охране его границ, но если приходилось принимать посольство, то всячески стремился договориться и ублажить гостей, но чести при этом никогда не терял. Мурзы знали это и как будто специально слали свои посольства в отсутствие князя.

На площади перед народом воевода как всегда появился вместе со своим худощавым, но жилистым и на удивление крепким, всегда улыбающимся, жизнерадостным оруженосцем и верным другом Ермилой-недобитым. Прозвище «недобитый» он получил после одного жестокого боя на берегу речушки Большая Смедова. Воевода возвращался с небольшим отрядом из похода по границе рязанского и московского княжеств, как вдруг из ближайших кустов выскочили конные татары, которые увидели русскую разведку давно и приготовились к встрече. Он, как всегда, дрался спиной к спине с Ермилой, прикрывая друг друга. Ермиле в этот раз досталось более обычного: татары узнали воеводу и всячески стремились достать его. Но Вячеслава так просто не сшибешь, да и Ермила весь в крови и рваной кольчуге не собирался сдаваться, но в какой-то момент один из сукиных сынов исхитрился как-то сбоку, где его мечом трудно достать, огреть Ермилу по голове так, что тот только и успел, теряя сознание, жалобно крикнуть: «Вячеслав!»

Воевода, отмахиваясь от нахлынувших на него воинов, только краем глаза смог заметить, что его друг валится из седла, а татарин приготовился к смертельному удару. Он дико зарычал, схватил татарина за шкуру, приподнял из седла и так хватил об землю, что дух покинул того в одно мгновение. За это Вячеслав сам чуть не расстался с жизнью. В то мгновение, когда он отвлекся, один из нападающих ловко махнул саблей и снес воеводе маковку шлема. Еще чуть-чуть и не маковка, а голова его покатила бы по земле.

Ермилу нашли после боя, благо татарва отступила, в куче трупов и раненых, думали, что он не выживет: все тело его покрывали колотые и резаные раны. Месяц он лежал пластом и говорил еле-еле. Но за ним, кроме домашних, ухаживала соседка, которую многие считали колдуньей. Она мазала раны медвежьим жиром, смешанным с каким-то настоем, жгла над ним сушеную крапиву и полынь, осыпавшиеся с них искры приятно обжигали. Заворачивала в волчью шкуру и держала напротив огня. А самое главное, поила каким-то нестерпимо вонючим отваром из лягушек. Когда Ермила выздоровел, кличка «недобитый» прилипла к нему.

– Спасибо вам, люди, – молвил Вячеслав. – Костями-то ляжем, но мурзу не одолеем. Помощи нам ждать неоткуда – туляки отрезаны от нас татарвой да и рязанцы не подспеют. У коломенцев своих бед теперь хватает.

Каток войны

Поступим так: остаются все, кто может держать оружие. Дети в сопровождении стариков отправятся за реку в Горы, а потом, кто хочет в Озерок¹⁾. Собирайтесь. Ночью тайным ходом под Окой уходите. Все остальные – устраивайтесь на стенах. Женщины, готовьте костры и котлы, кипятите смолу и воду на головы басурманам.

После этих слов воеводы выступил вперед старец.

– Воевода, все ты сказал правильно, но забыл о главном. Мурза спалит город, а с ним сгорят и наши храмы.

– Что ты предлагаешь, мудрый старик? – спросил воевода. – Мы же не можем спрятать церкви.

– Спрятать церкви не можем, а вот иконы и святыни наши – должны. Пока они живы, жива будет и Земля Русская. Нас побьют, так новые люди народятся, а новые люди построят и новые города, и новые храмы.

– Но здесь прятать иконы опасно, – ответил воевода. – Татарин хитер, не приведи Господи, найдет их, тогда – беда. За стенами города тоже – там теперь татарских разъездов в лесах кишмя-кишит.

– Так что же будем делать? – крикнул кто-то из толпы. – Неужто все уйдет басурманам?

– Иконы нужно переправить за Оку и спрятать в лесной чащобе в буреломе, подальше от человеческого глаза. Я знаю такие заветные места за Комаревым станом, – спокойно молвил старец.

– Быть посему, – сказал воевода. – Складывайте иконы в холщевые мешки, берите в дорогу провиант, инструмент и поспешайте в ночь уйти, да не заходя в Озерок, пока люди спят, добирайтесь до леса. А мы снарядим вам отряд человек десять. Будут охранять от ненужных встреч.

Через несколько часов все было готово к отправке. Возглавлял носильщиков наш старец. Перед дорогой он усердно крестился, а вместе с ним и все остальные, собравшиеся на проводы святынь. Мешки были розданы воинам, старикам и детям. Наконец, они двинулись, поочередно исчезая в горниле подземного хода. Когда исчез последний человек, воевода оставил возле входа охрану и приказал никого не подпускать, а часа через два, когда люди выйдут из него, засыпать его камнями и заровнять землей, чтобы у защитников города не возникало соблазнов.

Слава Богу! Ход был еще сравнительно новый, и его свод закреплен на крепких дубовых сваях. Но вода просачивалась через него и в некоторых местах достигала идущим до пояса, а кто был поменьше ростом – и выше. Чем дальше они устремлялись от входа, тем труднее становилось дышать. Кто был послабее начинал задыхаться, но осознание Святого смысла

¹⁾ Старые названия Озер: Озерки, Озерок.

Каток войны

возложенного на них дела и молитва помогали стару и младу преодолеть тот ужас, в котором они оказались. Они даже не ощущали, что их ноги давно окоченели в холодной воде, а сами они пребывают в полуобморочном состоянии. Свет факелов представлялся ангельским светом, указывающим праведный путь, которым нужно было доставить свой Священный груз на место.

Наконец-то дышать стало легче, и силы быстро возвращались к людям, воодушевленным приближающимся окончанием пути. Выбравшихся из хода, к их удивлению, встречали незнакомые монахи. Они забирали мешки и грузили на невесть откуда взявшиеся подводы. Другие раздавали сухую одежду и хлеб с горячей травяной настойкой. Никто не знал, что старец загодя отправил верного ему посыльного в ближайший монастырь за Окой с наказом встретить беженцев. Когда последний человек вышел из хода, старец, как и было условлено между ним и воеводой, приказал засыпать и этот вход так, чтобы на его месте образовался холм – тайный знак.

– Колеса у повозок хорошо смазали? – Обратился он к монахам, – скрипеть не будут, а то татарин чуткий, он за версту все слышит и носом чувствует?

– Смазали и унавозили а сверху замазали навозом, повозки перетянули, металлические кольца на лошадиной упряжке замотали тряпками, ничто не скрипнет, не хрустнет.

– Люди, – обратился он к старикам и детям, – вы достойно выполнили Богу угодное дело. Я освобождаю вас от дальнейших испытаний. Дальше груз доставят эти славные служители Господу Богу, – он показал на монахов, выстроившихся вдоль обоза, – и семь наших славных воинов, а трое из них пойдут с вами. Заваливайте вход и отправляйтесь в Горы там вас встретят и определят на жительство. Дорогу ваши старики знают. Да смотрите, не болтайте о нашем грузе ни между собой, ни тем более с чужими людьми. Не навлекайте на себя гнева Господня, иначе падет на вас кара Небесная.

Ужаснулись люди от этих слов и притихли, а обоз двинулся влево по пойме в обход Озерка.

Идти было легко, так как пойму совсем недавно выкосили и сено уже убрали. Путники шли по обильной холодной росе, сгущающийся туман проникал под доспехи воинов и подрясники монахов. Ночная свежесть им особенно не мешала, так как от нервного возбуждения и быстрой ходьбы их лбы и спины быстро покрылись испариной. Судя по всему, травяной настой, которым угощали монахи, был непростым, а лекарственным. От него путники чувствовали внутри себя приятное тепло и прилив силы.

Вскоре туман достиг такой плотности, что свет луны и мерцание звезд еле-еле пробивались через него. Факелы загасили еще при выходе из

Каток войны

подземного хода. Однако, старец уверенно шел впереди обоза, как будто по хорошо натоптанной и освещенной дороге. Вдруг он приказал всем остановиться.

– Сейчас мы пойдем вдоль Песчанного озера, туман усилится. Брат Алексей, – обратился он к одному из монахов, – там, в повозке, должны быть веревки. Достань их. Братия, привяжитесь веревками к повозкам, чтобы никто не отстал и не потерялся в тумане. Два воина пусть идут за последней повозкой, два – вместе со мной впереди, остальные распределитесь равномерно вдоль обоза. Не разговаривать, смотреть под ноги и по лужицам не ступать, дабы грязью не чавкать, ступать не слышно как кошка, обоз двигать медленно.

Все сделали так, как было сказано. Обоз прижался к прибрежным зарослям ивняка, на фоне которого он меньше просматривался. Туман есть туман. С ним шутить не стоит. Это такое таинство природы, когда человек перестает видеть мир в привычных ему образах. Туман позволяет ему увидеть отдельные части окружающей его природы, которые рождают небывалые картины мистических видений и образов. Оказавшись в тумане, человек полностью попадает в его власть и зависимость от него. Он даже может видеть знакомые ему предметы, но не узнавать их, что приводит его в еще большее замешательство.

Обоз двигался медленно без единого звука, а темный фон ивняка хорошо скрывал его присутствие. Старик время от времени оборачивался, и воины, следовавшие с ним, видели, как он разводил руками над обозом, будто хотел накрыть его чем-то, при этом неслышно шевелил губами. По всему было видно – приколдовывал. Так дошли они до того места, где от озера в пойму стало проглядываться какое-то темное образование. Старик знал – это ивняк клином выступал на луг. Косари летом здесь оставляют спутанных лошадей, пока косят траву. Когда солнце двигалось по небу, одна из сторон ивняка обязательно отбрасывала тень, солнце перемещалось, а тень двигалась вокруг зарослей, и лошади целый день паслись в тенечке, где было прохладнее, и слепни не так беспощадно их жалили, как на лугу на открытом пространстве.

Вдруг в кустах коротко и надрывно вскрикнула ночная птица, словно увидела страшный сон и предупреждала случайного путника о чем-то, вскрикнула так, что в предутренней тиши от неожиданности у всех по спинам пробежали мурашки.

– Легки на помине, – прошептал старец, – татары пожаловали, я их минут пять уже чувствую. Иди к обозу, – прошептал он монаху, – пусть прижимаются ближе к кустам, приготовятся к бою и ждут команды. Без команды ни-ни, чтобы лишнего вздоха не было. А ты, – повернулся он к другому, – ложись и затихни, будешь при мне.

Каток войны

Не успел воин раствориться в тумане, как впереди из кустов в промоине тумана мелькнул отряд человек пять. Воины сидели на конях – как замерли. Вперед выдвинулся один из них, правой рукой он держался за саблю, левой – за повод и медленно поводил головой, высматривая окрестности. По всему было видно, что он чувствовал кого-то рядом, но кого понять до конца не мог. Он повернулся к своим воинам и дал сигнал одному из них. Тот проворно и неслышно спешился, стал ползать вокруг, всматриваясь и принюхиваясь.

– Ищет следы, – прошептал себе под нос старец и продолжил усердно молиться, разводя при этом в сторону татар руки.

Туман вновь закрыл их отряд своей пеленой. Старик, а вслед за ним и его воин перекатились ближе к кустам, где трава была некошена и за лебедой они были абсолютно не видны. В новой промоине тумана старик отчетливо увидел морду татарской лошади, и как она скосила своим глазом в его сторону. «Неужто разглядела меня», – мелькнуло у него в голове. Он спешно выбросил руку вперед, как бросил шепотку чего-то. Лошадь резко моргнула и одновременно тряхнула головой. Татарин не глядя на нее похлопал рукой по морде, а сам продолжал принюхиваться и присматриваться кругом. Старик тоже глубоко потянул носом и отчетливо почувствовал на лугу запах конского пота и костра. В этот момент в тумане мелькнули искры невидимого костра. «Понятно, – подумал он, – ночной табун, кто-то, видимо, из табунщиков проснулся и пошевелил еще горячие искры костра. Вот искры от колчужки и взметнули, обнаружив присутствие людей. – Теперь татарин перестанет нас вынюхивать и побоится себя обнаруживать: вдруг это не ночное пастбище, а дозор из Озерков?» Действительно, отряд татар развернулся назад и спешно удалился. «Слава Богу! – перекрестился старик, – пронесло. Но хитрый татарин может и не уйдет, а спрячется в кустах и дождет, когда туман рассеется, чтобы наверняка убедиться: лошади там пасутся или заслон ночует? А что нам делать? Ждать утра, – значит утром обнаружить себя. Остается одно повернуть на луг и идти тихонько вокруг костра, только с другой стороны. Татарин, если и увидит нас, то не поймет, что мы сами по себе, а не заслон, а если это наши, кто бы они ни были, то всегда сможем с ними объясниться». Так и поступили. На всякий случай старик послал вперед воина на разведку, а обоз круто развернулся к маневру вокруг костра.

Уже почти рассвело, когда путники добрались до Комарёва бугра, но старец не пошел на него, а повел обоз низом, обогнул его и остановился у родника перевести дыхание и напиться воды.

Проделанный обозом путь обошелся вроде как без лишних глаз. Наступило то время суток, когда природа уже проснулась, но солнца еще не

Каток войны

было видно, оно только набирало силы, чтобы в какой-то момент вынырнуть из-за дубравы. Теперь наши путники были спокойны, т.к. лес был перед ними, и они надеялись скрыться там, так и оставшись незамеченными. Воины ослабили на себе доспехи, монахи убрали свои мечи под подрясники. Однако оказалось, что у родника они не одни, на здоровом валуне сидит и озирает их незнакомый старец с крюкастым посохом в руках. Они учтиво поздоровались с ним, чувствуя, что это не простой старец.

– Бог в помощь вам, – сказал он.

Старец, сопровождавший обоз, выступил вперед.

– Слава Богу, – сказал он, – встретились.

Старцы обнялись как давнишние знакомые.

– Как добрались?

– Милостью Божьей. Чуть на татар не напоролись, но я отвел им глаза, да на лугу кто-то ночевал, не разобрались. Перейдем к делу. Времени мало, а до свету нам надо управиться – уйти подальше в чащобу. Сундук взяли самый большой в городе: моренного дуба и кованый, освятили в храме.

– Вот тебе фляга с водой, без нее тайное место не найдете. Я очертил круг. Чужой человек будет топтаться рядом, а к кладу не доберется. Когда дело будет сделано, побрызгай из фляги на это место еще для верности. А сейчас повесь ее на пояс и знай: пока фляга не тянет, значит идете верно, как начнет тянуть, значит нужно вернуться на прежнее место и идти дальше.

– С лошадьми да с повозками продеремся ли через чащобу? Может лучше пойти ближе к речицкой дороге?

– Ни, ни. Что бы попасть на речицкую дорогу придется пойти Завал-овраг. А место это не чистое. Рассказывают, что на дне его совсем не приметная яма, ее называют еще Провальная яма, так как все, кто попадет в нее, от туда не возвращается, всех и все она засасывает, даже ручей, что течет по Завал-оврагу, попадая в нее, не вытекает, а уходит в песок. А еще, сказывают, что по ночам там собираются на свой шабаш ведьмы, а из ямы вылезают здоровенные мужики с землистым цветом лица и по ночам шастают по лесу. Мне кажется я издаля видел таких. Так это или нет, не знаю, врать не буду, но сам стараюсь от тех мест держаться подальше. И вам советую.

– Да много на Руси видали «черных мужиков», да с востока и Запада немало было завистников и недругов наших. Но ничего, ровен час мы им покажем, всех зароем в их же ямах.

– Пока фляга с тобой, не бойсь, бурелом пред вами будет расступаться. Охрана вам уже не потребуется, отправь ее назад да накажи молчать.

Старец подозвал к себе охрану, приказал старшему построить отряд.

– Славные воины, – обратился он к сопровождавшим, – вы выполнили свой долг, дальше мы одни будем действовать, а вы возвращайтесь в

Каток войны

Ростиславль и помните об обете молчания. Дорогу вдоль Оки найдете и знакомый ростиславский обрыв не пропустите. Со стороны реки вряд ли на татарву попадете. С Божьей помощью и Оку переплывете, и на бугор выкарабкаетесь. Храни вас Господь! Утекайте.

Старший дал команду, и витязи легким шагом, почти бегом поспешили в обратный путь. Они не попросили даже хлеба на обратный путь, т.к. теперь все их мысли были направлены туда за Оку на бугор, где, может быть, именно в это время решалась судьба их города.

– А теперь послушай главное, – старцы посмотрели на притихших и прислушавшихся монахов и стали о чем-то шептаться, потом один из них встал. – Что братья, отдохнули? Пора двигаться. Езжайте аккуратно вот на тот дубок на краю леса. Я вас провожу.

Обоз двинулся дальше, и монахи не знали о чем шептались старцы, следуя за ними. Только с тех пор никто больше не видел ни этих старцев, ни монахов, ни этот обоз, – закончил свой рассказ Николай Васильевич.

– Ну, Василич, и историю ты мне загнул. Только странно, откуда ты-то ее знаешь, если из той чащобы, как ты рассказываешь, никто не вернулся?

– Я много что про людей знаю, – старик серьезно посмотрел на Кузьмича и продолжал, – да не все рассказываю. И эта весть пришла ко мне своим путем. А здесь объявилась Марфочка, внешне она кажется чудаковатой, но на самом деле она женщина с понятием, ясновидящая к тому же. Рассказал я ей эту историю, а она мне на следующее утро и говорит: «Вижу я тот кованный сундук и иконы вижу. Вопиют они, предвидят беду большую. И беда эта еще не беда, а полбеда. Настоящая беда идет за ней. Вот та беда, так беда, она как чума пожрет людей, разрушит землю нашу и польет ее кровью человеческой, а вырастит на такой земле один чертополох и лебеда. Поэтому просятся те иконы на свободу, хотят порадеть за Землю нашу и убересть ее от пришествия антихриста, когда брат будет убивать брата, а слуги антихристовы станут громить и грабить храмы, устраивать в них вертепы, петь песни непристойные и танцы танцевать ведьмачьи.

Вот и подумал я: «Не зря открылась мне тайна эта, и Марфочка объявилась не зря – помощница мне и поводырь мой. Место-то она видит, а где оно находится не знет. Неместная она. Но я по Откровению тому понял, в какую сторону надо ходить. Мы ходим все лето. А ты говоришь: «Золото, камни». Здесь дела посерьезнее будут.

– Коли так, Бог тебе в помощь.

– Ты, Евстафий Кузьмич, известно, мужик серьезный, скажу тебе по секрету, только ты молчи, место-то я, считай, все-таки нашел. Но к кладу не пускает меня навет тех старцев-колдунов. Хожу вокруг него, а преодолеть черту не могу. Силы у них, видать, было поболее моей.

Каток войны

– А может, не время еще им объявляться?

– Все в воле Господа. Может, он меня испытывает, а так, зачем же он ниспослал на меня это Откровение? Ну, пошли, народ уже двинулся.

Переправа прошла привычно деловито. Евстафий Кузьмич, проникшийся рассказом Николая Васильевича, заплатил за его проход по мосту и его спутницы по пяти копеек, за свой проезд – десять копеек, и вскоре его двуколка выкатила из-под берега на простор заливных лугов, за которыми отчетливо были видны Озеры с их традиционными приметам и неотъемлемыми атрибутами: церковью, купол которой возвышался над всеми самыми высокими постройками села, фабричными трубами, пожарной каланчей и голубятнями. В селе была всего одна водонапорная башня, и в основном селяне пользовались колодцами. Евстафий Кузьмич оглянулся, с удовольствием полюбовался на свой пятистенок под железом на бугре той стороны Оки. Дом возвышался над всей деревней и был виден как на ладони.

– Надо же, – подумал Евстафий, – позади меня верховодит мой пятистенок, впереди – храм Божий. Никак добрый знак! Как-то раньше я на это не обращал внимания. Дай-то, Господи и Святые угодники!

—
* * *

Вскоре в деревне стало известно, что Николай Васильевич пропал. Ушел однажды как обычно и вот уж который день не возвращается. А с ним и Марфочка исчезла, так никто и не узнал, откуда она пришла и куда удалилась. «А, может, он смог проникнуть в тот круг и назад оттуда не смог найти хода?», – подумал Кузьмич.

Со временем ему вспомнится рассказ старика, жизнь привела к этому, и он все чаще будет задумываться о том, что не зря хитрый колдун рассказал ему эту историю. О-ох, совсем не зря. Видно «черных мужиков» и всякой прочей нечисти навек хватит.

*5 июля 1914 г.
Германия, Потсдам
резиденция кайзера
Вильгельма II*

Вильгельм II принял в Потсдамском дворце австрийского посла Сегени. Посол сильно нервничал относительно позиции России в австро-сербском конфликте.

– Российская пресса, – докладывал он – переполнена антиавстрийскими публикациями. Грозит силой оружия поддержать братьев сербов в случае

Каток войны

войны, а у нас венгерский председатель Совмина Тиса за спиной. Он никак не хочет свыкнуться с мыслью о неизбежности войны.

– Это не аргументы, – непреклонно заверил посла Вильгельм II. При этом ни один мускул не дрогнул на его лице. – Позиция России в любом случае будет враждебной. Нам это известно и нас это не смущает. Германия поддержит Австро-Венгрию со всей решимостью союзнических обещаний. У нас к этому все готово: план мобилизации мы разработали еще в марте. Германия превосходит Россию по всем позициям военной подготовки. А Россия, мы это знаем, еще не готова к войне.

Что же касается Тисы, то у нас достаточно сил и средств, чтобы убедить его в необходимости изменить свою позицию.

После беседы с Вильгельмом II Сегени отправил отчет в Вену, который успокоил местную политическую элиту. Теперь все ждали информацию из Лондона от посла князя Лихновского, который должен был встретиться с министром иностранных дел Великобритании сэром Эдуардом Греем. После утешительных заверений канцлера в Вене не стали дожидаться отчета Лихновского и назначили на 7 июля заседание Правительства.

6 июля 1914 г.

Великобритания, Лондон

*Министерство иностранных дел,
кабинет лорда сэра Эдуарда Грея*

Визит германского посла господина Лихновского к Э. Грею был составной частью европейской дипломатии по зондажу настроения ведущих европейских политиков, глав государств и правительств. Всем было известно, что от выбора сэра Грея зависит политика Великобритании и не только. Прежде чем делать решительные шаги, многие в Европе ждали, что скажет мининдел Великобритании. Господину Лихновскому выпала нелегкая задача: его раздражала манера Грея говорить коротко и непонятно. У Лихновского итак голова шла кругом от навалившихся на него проблем, а здесь еще сэр Эдуард со своими манерами.

Действительно Эдуард Грей – человек всегда с пугающе сосредоточенным выражением немигающих глаз, с безукоризненной внешностью, прекрасно воспитанный, изысканно вежливый, сдержанный и невозмутимый в любых ситуациях сбивал с толку своих собеседников, когда отвечал на их вопросы таким образом, что задававший их не мог понять, чего в них больше: многозначительности или бессодержательности, скрывавшей истинные мысли Грея. А скрывать ему было что – желание войны, но многие в Правительстве настаивали на нейтралитете Англии. Они считали: пусть

Каток войны

континентальные европейцы передерутся в пух и прах, пусть Германия превратится в руины, а Россия в страну дикарей. Дело Англии – это торговля, но для нее необходима свобода от обязательств. Грей же был убежден, что новые территории расширят возможности торговли. Тем более, по заверению первого лорда адмиралтейства У. Черчиля: «Ни разу в течение трех последних лет мы не были так хорошо подготовлены». Официально правительство этот вопрос еще не обсуждало ни разу, а Лихновский и многие другие визитеры настаивали на прямом ответе. Таким образом, министру приходилось хитрить перед европейской дипломатией и выкручиваться в правительстве, сохраняя при этом мину борца за мир.

Если бы он однозначно заявил, что Англия не намерена сохранять нейтралитет, то вопрос о предстоящей войне мог сразу же отпасть.

– Австрия рассчитывает на поддержку Германии, – волнуясь, сообщил Лихновский, – если мы ей откажем, то Вена будет очень недовольна, а если поддержим, то возникнут серьезные осложнения с Россией.

Заявляя это, он рассчитывал на откровенность Грея. А зря. Большая политика не терпела откровенности. Грею важно было поддержать настрой Вильгельма II, не выдавая позиции Англии.

– В нашем Парламенте, – сказал сэр Грей, – я уже публично высказывал сочувствие императору Францу-Иосифу, – Грей многозначительно посмотрел на Лихновского, – могу это сочувствие еще раз повторить.

– Мы рады столь теплоте отношению к нашему общегерманскому горю, – Лихновский очень хотел бы видеть в этом сочувствии поддержку негодования немцев и их бряцанью оружием. Однако Грей сверх этого ничего не произнес, так как его выступление в Парламенте было лишь актом вежливости и ничем большим, поэтому он поспешил перейти к обсуждению политики России. Сэр Грей всячески стремился убедить посла, что Россия настроена вполне миролюбиво. Лихновский под эти слова старался «протащить» свое.

– Господин министр, согласится ли Англия в случае конфликта оказать умиротворяющее воздействие на Россию? – задал он прямой вопрос.

– Англия не связана ни с Россией, ни с Францией договорными отношениями и располагает полной свободой действий. Если австрийские меры в отношении Сербии будут проведены в определенных рамках, то будет, конечно, сравнительно легче склонить Петербург к терпимости.

Лихновский был в восторге от этих слов Грея, которые, в сущности, мало чего значили, но побудили его сделать нужное заверение, что Австрия не стремится к захватам в Сербии и уничтожению Франции.

На этом довольные друг другом собеседники расстались, и Лихновский поспешил отправить шифровку отчета, зная, что на завтра запланировано

Каток войны

заседание Правительства Австро-Венгрии. «Грей, – сообщал он, – был настроен весьма уверенно и в бодром тоне заявил, что он не имеет оснований оценивать положение пессимистически».

Сэр Эдуард пригласил на 8 июля посла России господина Бенкендорфа. Характерно, что в беседах с Лихновским Грей обрисовывал ситуацию оптимистично, в то время как Бенкендорфу он всячески внушал мысль о враждебности Германии к России.

8 июля 1914 г.

кабинет сэра Эдуарда

Как и при встрече с Лихновским, лицо Грея было непроницаемо, когда в кабинет к нему вошел Бенкендорф.

– Господин посол, я пригласил Вас, чтобы высказать свою озабоченность настроением Германии в отношении сербско-австрийского конфликта и антирусскими настроениями, нарастающими в Берлине, – министр посмотрел своим строгим немигающим взглядом в глаза посла.

– Сэр Грей, я не склонен драматизировать ситуацию. Однако, если Австрия попытается использовать содеянное убийство, общественное мнение в России не останется равнодушным.

– Вот почему положение представляется очень серьезным, – усугубил слова Бенкендорфа Грей.

* * *

С каждым днем политическая атмосфера в Европе продолжала накаляться. Консультации и зондаж пошли по кругу. Все были готовы к большой войне, но не знали, как ее начать. Кайзер бряцал оружием, понимая, что каждый упущенный день играет на руку России.

– Почему Австрия тянет с ультиматумом? – топорчил он усы и таращил глаза на австрийского посла.

Россия в ожидании австрийского ультиматума Сербии призывала ее не поддаваться на провокации. Царь сдержанно расхаживал по кабинету в ожидании чуда: «А вдруг Германия не решится напасть первой».

Его заверяли, что: «Англия почти убедила кайзера в своем нейтралитете, теперь у него руки в отношении России развязаны».

– В любом случае время играет на нас.

Австрия тянула с ультиматумом, надеясь, что английский сфинкс наконец-то прямо и недвусмысленно подтвердит свой нейтралитет. Грей заверял всех, что всей душой желает избежать большой войны. Локальный же

Каток войны

австро-сербский конфликт его не касается, заверял он Лихновского, главное, чтобы Австрия не лезла на сербскую территорию. Пуанкаре, как истый рыцарь и джентльмен, заявлял с прямою контуженного капрала, что Франция готова поддержать своих союзников и выполнить обязательства в случае нападения на них.

* * *

Генерал Сухомлинов Владимир Александрович в эти дни изнывал от массы забот, совсем некстати нахлынувших на его голову. В свои шестьдесят восемь лет его больше занимали придворные интриги, годившиеся в мирное время для развлечения царя, но в складывающихся условиях необходимо было много думать и действовать, а этого-то он как раз и не любил. Последствия безалаберности Сухомлинова аукнулись России в годы войны, за что военного министра настигла суровая кара за содеянное, вернее сказать, за преступную халатность: в 1916 году он был арестован за неподготовленность армии к войне, а позже осужден на пожизненное заключение.

Однако, волею судьбы ему удалось выбраться и из этой, казалось бы, безвыходной ситуации. После Октябрьского переворота личность Сухомлинова большевиков не волновала и они выпустили его на волю, а по прошествии некоторого времени он успешно уехал в эмиграцию.

Ну, а пока приходилось терпеть все превратности обстановки надвигающейся войны.

В бытность свою командующим войсками Киевского военного округа и одновременно киевским, подольским и волынским генералом-губернатором, он влюбился в молодую красавицу Катеньку Гашкович на 34 года моложе его – женщину легкого поведения, способную на все ради нарядов и развлечений, за которой ухаживал, а затем и женился богатый помещик Бутович. Молодая девушка рассудила вполне разумно: чем все закончится с Владимиром Александровичем неизвестно, а помещик под боком, дом на Крещатике и богатое имение на берегу Днепра, но в 1908 году Сухомлинова перевели в Петербург на должность начальника Генштаба, а затем – военного министра. Для Катеньки это круто меняло ситуацию в пользу Владимира Александровича.

Не долго думая, Сухомлинов забрал мужнину жену в Петербург. Та посчитала, что мол, если дела обстоят таким образом, тогда, пожалуй, можно и пренебречь еще совсем недавно данным словом любви и верности Бутовичу.

Каток войны

Скандал ехал за Азором, так Катенька называла своего любимого пса и Владимира Александровича, по пятам. В Киеве, а вскоре и в Петербурге стало известно, что обиженный муж развода не давал. Тогда Сухомлинов чуть-чуть не упрятал его в психушку. Муж Катеньки вознегодовал, а вместе с ним возмутилось дворянство Полтавской губернии и сделало всеподданнейшее представление о неблагоприятных поступках теперь уже военного министра в бракоразводном деле Бутовича.

Тогда Катенька посоветовала своему Азору распустить слух, что сей помещик соблазнил к сожителству жившую у него в доме француженку-гувернантку. Суд не смог допросить француженку, так как она давно уехала на родину, но посчитал сие поведение Бутовича достаточным основанием для развода. Скандал вроде как удалось погасить, если бы не новые обстоятельства дела.

Когда эта история достигла Парижа и стала известна бывшей гувернантке, та искренне возмутилась и посчитала свою честь оскорбленной, а посему прошла медицинское освидетельствование, после чего посол Франции явился в МИД России с протестом и медицинским свидетельством того, что девица Жанета по сей день девственница.

Газеты подняли министра насмех, Дума негодовала, а Министерство юстиции вынуждено было завести дело. «Губернские ведомости» в то время писали: «Если министры будут красть жен у помещиков, что же тогда получится? Значит, в таком царстве-государстве что-то не в порядке. Пока государственные мужи судятся с землевладельцами, не ровен час к управлению таким государством придут всякие сомнительные личности из рядов вчерашних митинговых горлопанов».

– Как это все некстати, – раздосадованно молвил государь, – столько важных дел на руках, а министры крадут чужих жен и судятся с французскими фрейлинами.

– Сергей Дмитриевич, – обратился к Сазонову Николай II, – нельзя ли как-то все это дело провести помягче, без лишнего шума и ажиотажа? А-то как-то перед Европой неловко получается, да и люди от дел отрываются. И вообще, какой пример подает Владимир Александрович другим? Этак, неровен час какой-нибудь член Государственной Думы выкрадет у какого-нибудь архиерея, прости Господи, его матушку или дочку.

После этого скандал начал затихать, так как оказалось, что документы, потребовавшиеся в Министерство юстиции, в МИДе не были обнаружены. Что ж, как говорится, на нет и суда нет. Владимир Александрович и Катенька постепенно пережили скандал и еще долгое время прибывали в любви и согласии.

Каток войны

23 июля Вена наконец-то поручила своему послу в Белграде вручить правительству Сербии ультиматум. «Браво! – воскликнул Вильгельм II, ознакомившись с текстом ультиматума. – Признаться, от венцев такого энергичного тона даже не ожидал».

Сазонов от имени Совета министров предлагал сербам уступить и заявить, что они вручают свою судьбу великим державам. С германским послом он говорил о том же, что и раньше, но уже более твердым тоном.

Из десяти пунктов Сербия приняла девять и только возражала против участия австрийских представителей в расследовании обстоятельств убийства герцога Фердинанда II.

Но австро-венгерскому послу барону Гизлю уже этого было достаточно, чтобы он потребовал паспорта членам миссии и в этот же вечер покинул Белград. 28 июля австро-венгерское правительство объявило войну Сербии.

В ночь с 28 на 29 июля британский флот вышел из Портленда и с потушенными огнями, пройдя пролив, направился на север к Оркнейским островам на свою боевую базу в Скапа-Флоу.

29 июля 1914 г.

Великобритания, Лондон

*Министерство иностранных дел,
кабинет сэра Эдуарда*

29 июля сэр Грей наконец-то прояснил позицию Англии.

Во время встречи с Лихновским сэр Эдуард не сказал ничего нового. Но Лихновский уже который день чувствовал, что Англия готовится воевать. Через некоторое время в тот же день после визита Грей позвонил Лихновскому:

– Положение все больше обостряется, – сказал он и пригласил посла на очередную беседу.

– Британское правительство, – сказал он, – желает, как и прежде, поддерживать прежнюю дружбу с Германией и может остаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией по поводу Сербии. Но если в него втянется Германия и Франция, положение тотчас изменится, и британское правительство при известных условиях будет вынуждено принять срочные решения, так как в этом случае нельзя долго оставаться в стороне и выжидать.

Лихновский ждал подобного признания, но где-то внутри себя гнал мысль, что это произойдет. А если и произойдет, то как-то иначе. Во всяком случае не так по-будничному просто и в присущей Грею манере кратко, без

Каток войны

лишних церемоний, тумана и двусмысленности, в которые он любил облекать свою мысль.

Грей замолчал. Лихновский чувствовал, что его тело то ли каменеет, то ли немеет. Он беспомощно смотрел на Грея.

– Что с Вами? – спросил министр.

Лихновский встал, постоял какое-то время и снова сел.

– Что я скажу кайзеру? – в задумчивости произнес он и снова посмотрел на Грея.

– А Вы ему, мой друг, не говорите ничего. Просто передайте мои слова.

Лихновский снова молча встал и, забыв попрощаться, направился к выходу. Грей, проводив взглядом обескураженного посла, вернулся к чтению аналитической справки по европейской прессе.

«По завершению земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой державе», – читал он выдержку из берлинского журнала «Русская культура и народное хозяйство», его редактора и участника комиссии Аухагена профессора М. Зеринга. – Немцы правы, – подумал Грей, – вот только каких откровений они от меня ждали? Элементарный стратегический расчет показывает невозможность нашего нейтралитета, но они, наивные люди, хотели, чтобы мы раньше времени заявили об этом».

Грей поднял телефонную трубку и попросил телефонистку соединить его с главным лордом военно-морского адмиралтейства сэром Уинстоном Черчилем.

– Сэр Уинстон, здравствуйте. Как Вы знаете, надеюсь, в Европе наконец-то «заплясали столы», и сами зачинщики, на мой взгляд, испугались, что час «X» настал. Исходя из этого, мне хотелось бы предварительно перед заседанием Правительства обсудить с Вами задачи, вытекающие из складывающейся ситуации.

– Сэр Эдуард, – прохрипело в трубке, – я готов к такой встрече и сам собирался звонить по этому поводу. При этом хотел бы сообщить, что наши «гуси» сегодня ночью покинули Портленд и, не зажигая бортовых огней, отправилась к Оркнейским островам в порт Скапа-Флоу. Надеюсь, что присутствие эскадры на Пентланд-Ферт обезопасит наши острова от возможности неожиданных действий германского флота.

29 июля 1914 г.

Германия, Берлин

кабинет Вильгельма II

Каток войны

– Какая же этот Грей низкая торгашеская сволочь. Он постоянно пытался нас обманывать обедами и речами. И король их тоже хорош, обещавший мне нейтралитет как можно дольше, – кричал Вильгельм II, прочитав телетайп Лихновского. – широкими нервными шагами шагал по кабинету и таращил глаза на присутствующих, от чего монокль его ежеминутно выпадал из глаза, и он снова и снова монтировал его на место. – Двуличный Грей! Думает, мы не понимаем: стоит ему сказать только одно серьезное предостерегающее слово, и в Париже, и в Петербурге сразу притухнут. Мерзкий сукин сын! Вместо этого он угрожает нам, – Вильгельм II в очередной раз поймал падающий монокль, достал из кармана платок и стал протирать его. Присутствующие в полной тишине наблюдали за этим его действием и последующей установкой монокля на прежнее место.

Было очевидно, что Вильгельм II не ожидал такого развития событий. Руководство Германии было близко к панике. Теперь вместо подталкивания Вены к активности, Берлин начал уговаривать австрийцев только занять Белград и принять посредничество Грея. Но Вена эти предложения отклонила, пообещав соблюдать в общении с Лондоном вежливость.

* * *

29 июля Николай II подписал Указ о всеобщей мобилизации, а 1 августа в Мининдел явился посол Германии граф Пурталес. В полном волнении он задал вопрос: «Может ли Россия приостановить всеобщую мобилизацию?» Получив отрицательный ответ, он достал из кармана бумагу и передал ее Сазонову со словами:

– Я должен вручить Вам эту ноту.

Сазонов внимательно прочитал ноту, объявлявшую Германией войну России.

– Господин посол, – Сазонов с ироничной улыбкой посмотрел на Пурталеса, – Вы передали мне два варианта ноты. Я могу выбирать по своему усмотрению?

– Нет, – задыхаясь от одышки и злости, в некотором смущении коротко парировал посол, – это два варианта в зависимости от Вашего ответа на наш вопрос.

Германская нота объявляла войну России с 1 августа 1914 года. В этот день под давлением лорда сэра Морлея и возглавляемой им прогерманской группы в Правительстве Грей предложил Лихновскому обсудить вопрос о возможности нейтралитета Англии и Франции при условии, что немцы дадут обещание не нападать на Францию. Очевидно, английское Правительство стремилось направить удар Германии на Россию. Однако, когда Германия

Каток войны

запросила Правительство Франции: «Готова ли она сохранять нейтралитет?», Пуанкаре артистично заявил, что Франция не оставит своих союзников в тяжелое время и заранее не может ничего сообщить о своем возможном поведении, потому она сохраняет свободу действий. В этот же день был составлен текст объявления Германией войны Франции, и 3 сентября нота была передана французскому Правительству. Бельгия же обратилась к Великобритании за помощью перед лицом угрозы нападения со стороны Германии.

Английский сфинкс из Foreign Office²⁾ наконец-то улыбнулся: «Теперь посмотрим, что запоет Морлей со своими пацифистами. Мы готовы прихлопнуть его как надоевшую муху».

В первой половине дня 3 сентября Правительство Великобритании приняло решение вступить в войну, а днем 3 сентября сэр Грей выступил в Парламенте. Весь мир затаился в ожидании того слова, которое окончательно определит расстановку сил в войне. Грей, как настоящий борец за сохранение мира, выразил сожаление, что «европейский мир не может быть сохранен, так как некоторые страны усиленно стремятся к войне». Он подробно обосновал политику Правительства, после чего Парламент выразил ему полное доверие.

4 августа Правительство Великобритании предъявило Германии ультиматум, а после истечения срока его действия в германском посольстве было получено письмо: «Правительство Ее Величества, – прочитал Лихновский, – считает, что между обеими странами с 11 часов вечера 4 августа существует состояние войны».

* * *

*1 августа 1914 г.
Россия, Московская губерния,
Коломенский уезд,
село Речки*

Вечерело, когда в Речки прискакал нарочный. Прохожие останавливались, рассматривая его и соображая, чего это он на ночь глядя прискакал.

– Беда, – отвечал он на вопросы, не останавливаясь, и мчался дальше. – Вставайте, люди по домам! Беда пришла ко всем и к вам!

– Беда? – в недоумении вторили люди. – Какая такая беда? Откуда ей взяться?

²⁾ Министерство иностранных дел (в Англии).

Каток войны

Вскоре ударили в подвешенный кусок рельса. Его тревожный звук в неурочный час не оставлял сомнений: беда. Вот тебе, нате, жили не тужили, век беда не шаталась, а к нам прикатилась. Бросив дела, народ бежал на площадь, где кучковался в ожидании старосты. На устах у всех было одно: «Беда!»

– Не кстати бяда приbedилась. Об уборочной думать надо.

– Не было печали, да черти накачали.

– Погодите вы чертей вспоминать на ночь глядя. Где наша не пропадала?

Бяду бедовать не привыкать. Выбедуемся и мы. Вода прошла, и бяда прошла.

– Не хмель бяда, похмелье.

– Тихо, тихо вы. Староста пришел.

– Мужики! – кликнул староста. – Приготовьтесь выслушать, – он снял шапку. – Дождались, бяда пришла... Война.

Толпа глухо охнула, и по кругу прошел взволнованный гомон:

– Во-на, какая она бяда-то. Кому же нейдется на сей раз?

– А на сей раз нейдется немчуре, – объявил староста.

– Давно их не слышали и не видали. Мало нам турка под боком. Теперь фрицы-колбасники опять проголодались, как те вороны, что шастают по чужим полям? Буженины нашей захотелось, да грудинки копченой?

– Видали мы таких. Победим и этих.

– Пробедуешь..? А урожай-то кто убирать будет? Ребятишек загребут, а бяда не живет одна. Одну бяду сбудешь, всех бед не перебудуешь.

– Что ни говорите, мужики, – продолжал староста, а от бяды не уйдешь.

Пришла бяда, отворяй ворота. Вот послушайте, что скажет посыльный.

Посыльный зачитал указ о всеобщей мобилизации.

– Так-то вот, – подытожил староста, – завтра к обеду мужики сами все приходите и приводите сыновей, жребий тянуть будем. Всем быть обязательно, не наводите на грех детей прятать. Оставляйте по грамотному доверенному от двадцати пяти дворов на сверку списков и расходитесь.

– Вот так бяда, – мужики не спешили расходиться. Обсуждали своих доверенных в комиссию, обсуждали новость.

– Эта бяда не бяда, только б больше не было. Немец, он где? От нас далече, глядишь, до нас и не докатится.

– Он-то может и не докатится, а сынов побьет, чтоб ему ни дна, на покрышки. Бяда идет, бяду ведет, а третья погоняет.

– Как хотите, мужики судите, а бяда лиха, полы шинели заверни и пошел солдатик, никуда не денешься.

– Да, уж, прощай, Труба зовет!

– Куда там, бяда не соседова жена, ее просто так не сбудешь.

Каток войны

* * *

Новобранцы прибывали на озерский вокзал, где из них формировали команды и отправляли в уездную Коломну, откуда они следовали на Запад, в учебные лагеря. Вокзал был полон народу не только призывников, но и провожатых. Многие из них были в подпитии, а кто-то и откровенно пьян. Среди отбывавших и провожавших мелькали лица речичких. Для порядку вокзал и прилегающая к нему площадь были оцеплены казаками. За всем столпотворением присматривали офицеры, старшие из них внимательно наблюдали за происходящим и отдавали команды младшим, те сломя голову бежали исполнять поручения. Во всем ощущалась привычная тому суетливая обстановка.

– Ну, Михаил, пробил и твой час. Не посрами. Растили тебя, не думали, не годали, что для войны растили. Даст Бог, вернешься живым и здоровым. Я то же воевал, но видишь, ничего, все обошлось, не достала меня вражья пуля. На рожон не лезь, но и помни, что трусость хуже смерти. Пиши, будем тебя ждать.

Все по очереди обняли Михаила, поцеловались. Каждый, что-то сказал от себя. Василиса вся в слезах только и повторяла: «Береги себя, сынок». А что можно сказать сыну, провожая его под пули. Сама бы с ним поехала и прикрыла бы собой, но такого не бывает.

Михаил сделал несколько шагов в сторону вагона, остановился, повернулся к родным, поклонился им в пояс. «Прощайте и простите», – сказал он и прибавляя шагу, почти побежал. Василиса перекрестила его в спину: «Храни тебя Господь», – шопотном сказала она.

– Вот тебе и Михаил, вот тебе и мельница, а ведь хороший мог бы стать из него мельник. Там его ждет другая мельница, она всех перемелит и наших, и ихних, а каток еще и в землю закопает.

– Евстафьюшка, что ты такое говоришь-то на прощание? Акстись, родной, и так уж нет сил терпеть.

– Ладно поехали, теперь только и остается, что ждать писем.

Два уже немолодых офицера, прогуливаясь по перрону, вели между собой размеренную беседу.

– Как Вам, князь, новый набор? – спросил один из них.

– Я думаю о молодежи. Как-то так получается, что стоит подрасти новому поколению, так какая никакая война для них завсегда сыщется. А потом всякие там критики начинают травить баланду будто русский человек никчемный в делах хозяйственных. Откуда же чему взяться? Смотрите, каких молодцов вырвали из дел хозяйственных и торговых. Я смотрел призывные листы: многие из них грамотные, начали приобщаться к хозяйству, ремеслу.

Каток войны

Половину, не менее, из них убьют на фронте. Столько же из тех, кто вернется живым, будут калеками и больными. Какое здесь хозяйство? Только и остается, что водку пить и на паперти стоять. Посмотрите, как они прощаются. Русский солдат и все окружающие определенно уверены в том, что раз война – значит смерть.

– Ничего не подделаешь. Главное не опозориться, не осрамиться со своей ротой, а умереть красиво. Ведь суждено умереть один раз, и как достойно ведь умереть за Родину на поле брани.

Для того и война, чтобы людей убивали. Обратите внимание вон на того крестьянина с Георгием на груди. Наверное, в японскую получил. Как он истово отвешивает поклоны на четыре стороны. Я однажды слышал, как один крестьянин после команды «по вагонам», оглядел светлое, яркое летнее небо, воскликнул: «Прощай, белый свет...».

– Да, уж, солдатики подобрались бравые, многие уже с Георгиями за японскую и Балканскую, а унтер-офицеров сколько? Куда их столько собрали, на всех и взводов не хватит.

– Зато полки и батальоны будут отменные, все и всех сметут, только приказы. А вот будет ли кому приказывать?

– Не знаю.., это не моего ума, конечно, дело, но какие-то сомнения иногда посещают насчет господ старших офицеров. Вид у них, как на парад собрались. Хотя тоже воевали и турка били, в японскую, правда, конфуз вышел. Ну, да ладно, навоюем, там увидим.

Раздалась команда: «на посадку становись». Младшие чины засвистели в свои свистки и приступили к построению команд напротив вагонов. И в это время раздался тогда еще мало известный марш «Прощание славянки», который исполнял духовой оркестр пожарной дружины Озёр под руководством брандмейстера М.Ф. Щербакова:

На заре сыграют трубы
И солдаты встанут в строй
Поцелуем жадным в губы
Распрощаюсь я с тобой.

Марш «Прощание славянки» с началом войны встал в первые ряды великолепной русской военной музыки. С каждым днем мобилизации и войны все больше и глубже проникал он в души человеческие. Происходило это, наверное, потому, что люди слушали его ушами, а слышали самой душой. Бывает и так, что человек слушает, а душа его не слышит – грош цена такой музыке, баловство одно.

Каток войны

Марш был написан Василием Ивановичем Агапкиным в 1912 году под впечатлением от происходившей тогда войны на Балканах. В то время он служил в 7-м запасном кавалерийском полку в Тамбове. Уже в старости писал: «Марш "Прощание славянки" был мною написан накануне 1-й мировой войны под влиянием предшествующих событий на Балканах, когда Турция агрессивно напала на мирные Балканские государства. Марш посвящен женщинам-славянкам, провожающим своих сыновей, мужей и братьев на священную защиту Родины. В мелодии отражено лирически-мужественное прощание. Я преследовал цель, чтобы она была проста и понятна всем. Марш – патриотический».

Марш действительно оказался понятен всем и стал символом патриотизма. Мало у кого выдерживают нервы слушать его без слез: с годами уж больно много он впитал в себя героизма русского солдата, горя и лишений русских женщин, смерти и крови в войнах, в которых он участвовал.

Началась посадка в вагоны, а труба оркестра вместе со всеми отбывавшими в полный голос прощалась с любимыми, с женами и детьми, Отчим краем, у родителей и всех остальных просила прощения – одна за всех и грехи каждого.

Прощай, Отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Прости-прощай, прости-прощай...
Наступает минута прощания,
Ты глядишь мне тревожно в глаза,
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дышит гроза.

Заканчивались последние приготовления к отправке очередного поезда. Паровоз уже второй раз стравливал лишний пар. Солнечный день постепенно затягивали грозовые тучи, как бы на прощание готовые пролиться печальным дождем разлуки. Россия поднималась на войну, от которой мало кто ожидал чего доброго. Под мерный стук уходившего поезда оркестр продолжал играть прощальную, а провожавшие неохотно расходились по своим телегам, и некоторые из них с какой-то тайной надеждой иногда еще оглядывались назад, но отсутствие поезда и пустующий перрон не оставляли никаких надежд. Война значит война, ее каток уже начал свое движение по полям Европы.

Встань, Россия, беда приключилась,

Каток войны

Дух победы зовет: пора в бой!
И зовет нас на подвиг Россия,
Ты бровей своих черных не хмурь!
Все мы – дети великой Державы,
Все мы помним заветы отцов
Ради Знамени, Чести и Славы
Мы все пойдём в священный бой.